

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАЗЫ ДОЛЖНЫ УБЕЖДАТЬ

Заметки
о молдавской прозе

МОЛДАВСКАЯ проза, которая в свое время сильно отставала от поэзии, теперь уверенно выдвигается на место. Из крупных прозаических произведений, опубликованных между писательскими съездами, мы должны будем назвать и «Кодры» Чобану — роман, рисующий Молдавию военных и военных лет, и новый роман А. Липканы «Дорога тополей», в котором герон, знакомый по предыдущему роману «Пробуждение», поддается к участию в событиях 1941 года, и «Горный поток» Я. Кутковецкого, повествующий о революционном движении в молдавской деревне... Мы находим и два больших романа М. Каханы: «Кости Гынгаша», близкий по теме к книгам Чобану и А. Липканы, и «Павел Брагар» — продолжение первого, — посвященный современности. Сельская тематика преобладает в романах и повестях о послевоенных годах: я имею в виду повесть «Ветер в лице» Анны Лупан, роман «Люди и судьбы» Ариадны Шалар, повесть «Георгий, вдовий сын» Иона Друца... Молодой рабочий класс Молдавии еще не находит своего места в книгах: С. Шляху, писавший раньше о рабочих, в новой повести «После войны» передает читателя в немецкую деревню, где защищают советские солдаты.

Итак, книг написано много. Так много, что нет смысла даже и пытаться ответить в газетной статье на все вопросы, связанные с развитием нашей прозы, оценить более или менее полно новые произведения. Я и не стремлюсь к этому. Мне хотелось бы, коснуться только одного вопроса, который, на мой взгляд, стоит сейчас весьма остро — и не только перед молдавскими прозаиками. Это — вопрос о мастерстве, о качестве произведений, в частности о том, убедительны ли художественно (психологически, сложности и т. д.) образы героев наших книг.

Оглянемся назад. Молдавская проза за время с 30-х до самого начала 50-х годов накопила большой и ценный опыт. Учясь у русских классиков, у мастеров советской литературы, черная из богатств молдавского народа творчества и литературы, Д. Милев, Л. Барекий, Н. Марков, Т. Малай, А. Козмеску, И. Канна, Я. Кутковецкий и другие создали произведения, отражающие те огромные свидетельства, которые произошли за это время в жизни молдавского народа. И все же необходимо сказать, что молодая проза тех лет страдала схематичностью. Образ положительного героя передко наивно идеализировался, а для изображения отрицательного героя подчас использовались преувеличения, доходящие чуть ли не до буффонады. Эти недостатки в основном обнаружились, конечно, молодостью нашей прозы.

В какой же степени преодолели мы сегодня схематизм, всегда ли наши писатели поистине мыслят образами, всегда ли их мастерство, форма их произведений соответствуют замыслу и содержанию? Эти вопросы представляются мне весьма актуальными. Общесоюзно актуальными, хотя говорить мне придется о том, что я лучше другого знаю.

Сейчас молдавская советская проза уже нельзя называть молодой, нельзя, стало быть, делать и склон на молодость. И без склон надо будет признать, что доистории многое. Разнообразие картин жизни, заботы о форме, о стиле — вот что особенно радует. Признаки идеально-художественной зрелости современной молдавской прозы являются то, что ее герои стали зримыми образами, а потому и убеждающими. В качестве примера такого художественного мышления в образах хотелось бы привести одно из лучших прозаических произведений последних лет — роман «Кодры» Чобану. Во второй части этого романа описывается освобождение бессарабских крестьян из-под ига бояр и капиталистов, социалистические преобразования на освобожденной земле, начало Отечественной войны. И хотя от этих событий нас отделяет восемнадцать лет, — начиная с читать роман и не можешь оторваться. Почему? Да потому, что Чобану не ограничивается описанием

фактов и поступков, событий и их участников; он стремится проникнуть в характеры людей, в индивидуально-своеобразных судьбах героев раскрыть закономерности жизненной судьбы типов. Чобану не старается сказать о себе все, что знает о своих героях, он следит принцип: «горе в искусстве тому, кто говорит все». Но зато все, что говорится, убеждает читателя. Характеры героев движутся не только идеями, которые их волнуют, но еще и убедительно показанными факторами национальных условий, природы, быта, индивидуального темперамента. Так достигается органическая слитность идеи и образа, «общего» и «конкретного», социального, национального, индивидуального.

В последнее время в нашей молдавской критике стали чаще подниматься вопросы содержания и формы в искусстве, что тоже по-своему свидетельствует о движении вперед не только молдавской критики, но и литературы, дающей критике материал для размышлений. В основе этих размышлений — первая мысль об определяющей роли содержания в произведениях искусства. Но тезис о примате содержания не должен звучать, — это иногда бывает, — как утверждение независимости содержания от формы. Я не знаю ни одного прекрасного по форме произведения, содержание которого было бы примитивным. «А декаденты?» — может быть, возразят мне. — «Разве мы не видим у декадентов прекрасной формы приustersом содержания?» Но позвольте, зачем же путать два понятия: красоту и красицю? там, где у декадентов нет глубокого содержания, — там нет и красоты формы, а есть лишь погоня за красотой. Отсутствие большого, общественно-значимого содержания убивает произведение и с точки зрения красоты его формы. И наоборот: даже лучшие, интереснейшие замыслы могут не осуществляться, если писатель нехватил мастерства, если содержание не волотилось в достойную форму, мысли — в образы.

Романы М. Кахана «Кости Гынгаша» и особенно «Павел Брагар» вызвали у нас в Молдавии споры. Это свидетельствует о том, что автор сумел затронуть интересные проблемы. В «Павле Брагаре» писатель попытался показать молдавское село в начале 50-х годов... Тема острыя, важная, современная. Автор хорошо изучил материал, полно знает своих героев, в ряде случаев умеет передать их национально-своеобразные черты. И все же — слишком многое оставляет желать мастерства писателя. М. Кахана, немало подметивший в жизни, недостаточно глубоко осмысливший подмеченные. В его романах факты перевешиваются, мысль не успевает за фактами. Факторизмы, «регистрационность» есть в романе «Кости Гынгаша». То же и в «Павле Брагаре». Беспрерывные мелкие стычки, трения между секретарем райкома Лисунтиным и председателем колхоза Брагаром часто выглядят нарочитыми, за этими стычками, спорами, перебранками подчас теряется психологическая логика поступков героев, сюжет расплывается, намеченные характеры тоже... теряются.

Художественная убедительность в жизни, в своем деле, оптимизм молодости — вот черты характера Родики Бужор. Родике, не выделяется какими-то исключительными способностями или добродетелями, это, что называется, обыкновенный человек.

Всё это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

Стремление к созданию убедительных характеров, автор обладает тонким народным юмором, и это еще больше усиливает эмоциональную действенность книги. Мне кажется, что форма повести И. Друца, ее детали, пейзажи, ее стиль гармонируют с содержанием, с тем «литерарским» аспектом.

Все это, конечно, не значит, что книга И. Друца лишена недостатков. В ней есть сцены, где герой повести поступают против логике своих характеров. Так, например, главный герой повести после разрыва с любимой девушкой уходит из родного села, не найдя там себе дела. Тогда концовка, на мой взгляд, надумана.

ПРАВДА О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

На этих страницах я хочу рассказать одну из наиболее потрясающих жизненных историй нашего времени, — о том, как десятки миллионов людей были введены в заблуждение относительно того, что представляет собой Советский Союз, — этими словами Дайсон Картер открывает свою новую книгу о Советском Союзе, вышедшую в Канаде летом этого года.

Имя Дайсона Картера, канадского писателя и публициста, автора прекрасных романов «Будущее за нас» и «Сыновья без отцов», хорошо известно советским читателям. Выдающийся общественный деятель Канады, председатель Общества канадо-советской дружбы, Дайсон Картер — верный и деятельный друг Советской страны, советского народа.

«В течение 25 лет, — указывает сам Дайсон Картер, — я писал и рассказывал о развитии СССР. Одна из моих книг — «Тайное оружие России» читалась миллионами людей. Пытаясь лет тому назад, основываясь на одних фактах, я предсказывал приближающееся преисходство советской науки».

Дайсон Картер называл свою новую книгу: «Большая ложь». Название это полностью соответствует замыслу: беспощадным писательским спальням автор вскрывает застарелые гнилые реакционной пропаганды. Дайсон Картер наглядно показывает, как с первых месяцев существования молодой Советской Республики властители капиталистического мира распространяли грубую клевету о Советском Союзе, фальсифицировали сведения о жизни Страны Советов, скрывали и замалчивали ее успехи.

Книга Дайсона Картера — яркий, убедительный рассказ о том, как фабриковалась на Западе большая ложь о нашей социалистической Родине.

Однако Дайсон Картер не ограничивается разоблачением отвратительного процесса нагнетания большой лжи. В своей новой книге наш канадский друг развертывает перед читателем величественную эпопею могучего расцвета Советского Союза, его блестящих успехов во всех областях жизни. Автор не утомляет читателя риторикой: он убеждает его сухим, неопровергаемым языком фактов, цифр, фотографий, «Факты обладают поистине чудесной способностью, — шутливо замечает Картер, — они всегда верны!»

Словно кадры кинохроники, мелькают на страницах книги старые фотографии. Снова встают перед нами картины далекого прошлого: никакая Россия с ее жалкими лачугами, голодными, обрванными людьми, ветряными мельницами.. «Вот с этим советский народ начал в 1917 году свой беспримерный исторический эксперимент!», — пишет Дайсон Картер.

И уже на следующих страницах мы видим фотографии огромных благоустроенных жилых домов, гигантских электростанций, сооруженных руками советских людей, фотоснимки просторных и светлых

о книге Дайсона Картера

классов, в которых учатся советские дети, — все то, что составляет живую действительность нашей страны, наше сегодня. Все это старательно скрывали от общественности заправлены западного мира.

Компания, пожелавшая скупить Россию оптом, развила широкую деятельность и даже избрала своего секретаря и казначея. Его имя — господин Джон Фостер Даллес...

Смехотворным планам «Рашен Бюро», как многим подобным им, истории уготовили место на мусорной свалке. Советский народ создал могучий Союз Советских Социалистических Республик. Однако, извечно замечает Дайсон Картер, как видно, господин Джон Фостер Даллес «до сих пор не отказался от своей мечты завладеть Советским Союзом».

Разве в воинственных речах американских генералов и реакционных политиков, грозивших атомным оружием Советскому Союзу, не слышится отзыв быльих колониаторских устремлений соратников господина Даллеса?

Картер напоминает: Советский Союз произвел успешные испытания водородной бомбы на горизонте Соединенных Штатов. Он далеко опередил Америку в ракетной технике. Он первым запустил в небо искусственные спутники Земли. Но в отличие от Соединенных Штатов Советский Союз не пытался использовать свои достижения для политического шантажа или давления на другие страны. Напротив, Советский Союз еще раз провозгласил, что его важнейшая высшая цель — это укрепление мира во всем мире.

Заключительные страницы увлекательной книги Картера иллюстрированы чудесной фотографией: советский воин, один из 300 тысяч советских бойцов, демобилизованных из армии в этом году, возвратился в свой родной дом. Он обнял дочурку. Счастливая, она прижалась к отцу. Лицо матери светится радостью.

Вглядитесь в эту фотографию! — призывает Дайсон Картер. «На лицах советских людей вы можете увидеть нечто гораздо более важное, чем все военные технические данные мира. Нечто недоступное Джону Фостеру Даллесу, поскольку мы сталкиваемся здесь с современными человеческими чувствами. Это внешняя политика, — шутливо замечает Картер, — они всегда верны!»

Дайсон Картер отмечает, что блестящий успех советских учёных может быть неожиданным только для людей, находящихся во власти лихих и неслыханных представлений о Советском Союзе. Объективные факты, щедро приводимые автором книги, свидетельствуют, что историческая победа советской науки была естественной и закономерной. Социалистический строй, выдвинувшийся в некогда отсталой стране, создал небывалые условия для расцвета экономики, науки и культуры. В этом «секрете» беспримерных успехов советских людей, сумевших за короткий исторический срок догнать и в ряде существенных областей оставить позади крупнейшие страны Запада.

В связи с этим Дайсон Картер вспоминает о человеке, «который некогда мечтал стать единоличным владельцем всей России». В 1919 году, когда молодой Советской республике приходилось преодолевать огромные трудности, в годы, когда на полях России еще не отшутилась гражданская война, группа американских миллионеров выступила с планом создания компании под загадочным названием «Юнайтед Стейтс Рашен Бюро Инкорпорей-

С. БРОДСКАЯ

Вдовья пенсия

Франтишек КУБКА,
чехословацкий писатель

смертных грехов. Они смеялись, жестикулировали, улыбались.

Некоторые из вошедших вели под руки женщин. Приходили и женщины без спутников, одни.

Это были дамы из баров, канцеляристки, сидящие шесть дней в неделю за пищущей машинкой,

мечтая вырваться в свободу на уик-энд к морю. Выпив грудь, с сигаретой в зубах, входили девицы с кроваво-красными губами через все лицо — от уха до уха.

Зал был полон. Когда все расселись, в столовую вошел высокий человек с узким лошадиным лицом, огромным носом и совиными глазами. Он был в белом костюме с фетровыми рукавицами за поясом. Величественно и небрежно вошедший сел за свободный стол у двери. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, кто этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу понял, что он — главарь нацистов, отвел меня в конфиденциальном месте. Прямо против меня. Прислуживающие эсэсовцы в форменных мундирах вытянулись перед ним в струнку, руки по швам. С момента его появления зал притих, раздавалась лишь стук ножей и вилок о тарелки.

Я знал, что этот человек, сидящий за столом напротив, но сразу поня